

УДК 811.161.1'04'373.7 + 811.161.3'04'373.7

**«МОТИВ РАДОСТИ» В СТАРОБЕЛОРУССКИХ
И СТАРОРУССКИХ ПИСЬМАХ:
ЭКСПЛИЦИТНОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ
В ФОРМУЛЯРЕ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ****О. В. ЗУЕВА¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе описания структуры, семантики и функционирования устойчивых высказываний, вербализующих эпистолярный «мотив радости» в 46 старобелорусских (1440–1575 гг.) и 50 старорусских (1413–1680-е гг.) источниках, решаются вопросы о роли отдельных жанровых формул в текстовой организации писем и о наличии имплицитных элементов в индивидуальных формулярах писем. Устанавливаются три типа формул, которые реализуют «мотив радости» и фиксируются в обоих корпусах источников с середины XV в. Анализируются текстовые позиции этих формул. Обосновывается явление смысловых импликаций – фрагментов этикетного содержания, которые, входя в условный формуляр эпистолярного текста, отсутствуют в конкретном письме, но к которым отсылают употребленные в нем устойчивые высказывания. Аргументируется отнесение «формулы радости» в текстовой позиции после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов) к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата». В отношении способов вербализации «мотива радости» выявляется высокая степень близости сопоставляемых эпистолярных традиций, сохраняющаяся в диахронии.

Ключевые слова: старобелорусский язык; старорусский язык; эпистолярный текст; эпистолярный мотив; формуляр; текстовая формула; смысловая импликация.

**«МАТЫЎ РАДАСЦІ» Ў СТАРАБЕЛАРУСКІХ
І СТАРАРУСКІХ ЛІСТАХ:
ЭКСПЛІЦЫТНАЕ І ІМПЛІЦЫТНАЕ
Ў ФАРМУЛЯРЫ ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАЎ****В. У. ЗУЕВА^{1*}**^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. На аснове апісання структуры, семантыкі і функцыянавання ўстойлівых выказванняў, якія вербалізуюць эпістэлярны «матыў радасці» ў 46 старабеларускіх (1440–1575 гг.) і 50 старарускіх (1413–1680-я гг.) крыніцах, вырашаюцца пытанні пра ролю асобных жанравых формул у тэкставай арганізацыі лістоў і пра наяўнасць імпліцытных элементаў у індывідуальных фармулярах лістоў. Устанаўліваюцца тры тыпы формул, якія рэалізуюць «матыў радасці» і фіксуюцца ў абодвух корпусах крыніц з сярэдзіны XV ст. Аналізуюцца тэкставыя пазіцыі формул. Абгрунтоўваецца з'ява сэнсавых імплікацый – фрагментаў этыкетнага зместу, якія уваходзячы ва ўмоўны фармуляр эпістэлярнага тэксту, адсутнічаюць у канкрэтным лісце, але да якіх адсылаюць ужытыя ў ім устойлівыя выказванні. Аргументуецца аднясенне «формулы радасці» ў тэкставай пазіцыі пасля прывітання і (ці) ўказання

Образец цитирования:

Зуева ОВ. «Мотив радости» в старобелорусских и старорусских письмах: эксплицитное и имплицитное в формуляре эпистолярных текстов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;3:65–75.
EDN: YJFYHT

For citation:

Zuyeva VU. «Motive of joy» in Old Belarusian and Middle Russian letters: explicit and implicit in the form of epistolary texts. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;3: 65–75. Russian.
EDN: YJFYHT

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Volha U. Zuyeva, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

адрасата (абодвух камунікантаў) да сэнсавага блока «Каментарыі наконт атрымання ліста адрасата». У дачыненні да спосабаў вербалізацыі «матыву радасці» выяўляецца высокая ступень блізкасці супастаўляемых эпістольных традыцый, якая захоўваецца ў дыяхраніі.

Ключавыя словы: старабеларуская мова; староруская мова; эпістольны тэкст; эпістольны матыў; фармуляр; тэкставая формула; сэнсавая імплікатура.

«MOTIVE OF JOY» IN OLD BELARUSIAN AND MIDDLE RUSSIAN LETTERS: EXPLICIT AND IMPLICIT IN THE FORM OF EPISTOLARY TEXTS

V. U. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Based on the description of the structure, semantics and functioning of set expressions verbalising the epistolary «motive of joy» in 46 Old Belarusian (1440–1575) and 50 Middle Russian (1413–1680s) sources, the article addresses the role of individual genre formulas in the textual organisation of letters and of the presence of implied elements in individual letter forms. Three types of the formulas, which explicate the «motive of joy» and which are fixed in both corpora of sources since the middle 15th century, have been revealed. The textual positions of the formulas are analysed. The phenomenon of semantic implicatures, i. e. the fragments of etiquette content to which the set expressions used in a particular letter refer, is substantiated. The rationale to attribute the «formula of joy» used in the text position after the greeting and (or) indication of the addressee (both communicants) to the semantic block «Comments on receiving the addressee's letter» is proposed. In relation to the methods of verbalising the «motive of joy», a high degree of similarity of the compared epistolary traditions has been revealed.

Keywords: Old Belarusian language; Middle Russian language; epistolary text; epistolary motive; form; text formula; semantic implicature.

Введение

Традиции эпістольных камунікацый, існавалі ў Вялікім княстве Літовскім (далей – ВКЛ) і Рускім дзяржаве, сталі працягам жанравы-стылістычных канонаў дрэвнерускай эпісталаграфіі, востраюся да грэко-візантыйскіх традыцый, істочнікам якіх, у сваю ачэрэд, былі антычныя абразцы [1, с. 273–275; 2, с. 173–217; 3, с. 81–85; 4, с. 8]. Эта преемстваннасць атражаецца не толькі ў літэратурных пасланнях учытельнага і інтэлектуальнага зместа, но і ў деловай і бытовай карэспандэнцыі, зоставіцелямі якой абладалі апрадэленай рытарычнай выучкай [1, с. 274]. Адын із востраославянскіх эпістольных топосаў, імеючых названнае вышэ праісходжэнне, – выражэнне адрэсантам радасці ў сувязі з палучэннем пісьма ад адрэсата лібо перспектыўнага палучэння гэтага пісьма, т. е. радасці па паводу асаўшчэня эпістольнай камунікацыі і востраослаўнасці палучыць інфармацыю аб адрэсате (о саотвэстувючых высказываніях ў эпісталаграфіі паздней Візантыі см. [5, с. 70–71; 6, с. 1335; 7, с. 118]).

«Матыв радасці» не аграічываецца ўказаннай вышэ семантыкай. Он абнаружываецца ў разных элэмантах (смысловых блоках) фармуляра (зостражэцельнага структуры) пісем: прызыў да адрэсату радаватся ілі абязатэльнасць са радасцю маліцца за адрэсата – ў прыветствіі і пращанні, выражэнне радасці ў сувязі са гатованасцю служыць адрэсату – ў семантэме. В нашэячэй стале аналізруецца языковае воплащэнне даннага матыва ў старабеларускай¹ і старорускай карэспандэнцыі на прымере вербалізацыі тэх смысловых блокаў, зостражэннем якіх явлэецца камэнтыванне асаўшчэня камунікацыі са адрэсатом, а іменна дэманстрацыя радасці ад зостражэцельнага ілі востраослаўнага палучэння пісьма і саобщэнне о радасці как матывацыя прызыва пісаць адрэсанту. Выражэнне «мотыв радасці» ўпачрэбляецца толькі па адношэнню да саотвэстувючых высказываніям.

Цэль даннага існавалэння – апрадэленае мэта ўстойчыых высказываніям, вербалізуючых эпістольнага «мотыв радасці», ў тэкстовай арганізацыі старабеларускіх і старорускіх пісем XV–XVII вв., а такжэ абоснавалэнне налічя імпліцытных (падразумеваемых) элэмантаў ў індавідуальных фармулярах пісем. Для дэстыванія цэлі неабходна выполннть слэдуючыя задачы: выявыць і апісаць гавяныя

¹Слово «старобелорусский» употребляется в работе по отношению к текстам, созданным на исторических белорусских землях и (или) написанным от лица – выходца из этих земель, а также к языку, зафиксированному в данных текстах.

разновидности соответствующих текстовых формул в старобелорусских и старорусских источниках; определить характер варьирования структуры и семантики текстовых формул в синхронии и диахронии; проанализировать функционирование устойчивых высказываний и диахроническое изменение этого процесса; обосновать распределение текстовых формул по смысловым блокам. Решение этих задач позволит дополнить сведения о содержательной структуре восточнославянских эпистолярных источников. Полученные результаты послужат новым материалом для оценки степени близости эпистолярных традиций ВКЛ и Русского государства.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования стали 46 старобелорусских посланий 1440–1575 гг. и 50 старорусских посланий 1413–1680-х гг., в которых вербализуется «мотив радости». Проводилась направленная выборка из публикаций текстов, а также осуществлялся поиск по старорусскому корпусу НКРЯ. Количество проанализированных источников в несколько раз превысило число писем, в которых исследуемый мотив был обнаружен. В старобелорусских посланиях XVII в. необходимые высказывания не были найдены. За неимением материала для сопоставления корпус русских писем XVII в., в которых «формула радости» встречается часто, был ограничен 30 текстами до 1680-х гг. Его составили послания разного содержания и тональности, репрезентативные для анализа текстовой позиции и языкового выражения «мотива радости». Дополнительно были привлечены старорусские переводы латино- и немецкоязычных дипломатических посланий, адресованных Ивану IV (5 текстов 1573–1582 гг.), которые показывают актуальность «мотива радости» для европейской дипломатической корреспонденции. Переводчики этих писем, воспринимая чужой эпистолярный этикет, употребляли стандартные восточнославянские формулы.

«Мотив радости» реализуется в различных видах писем: деловых письмах разной степени официальности и характера институциональности (служебные уведомления и запросы, дипломатическая корреспонденция, письма с индивидуальным и коллективным адресантом и (или) адресатом), частных бытовых письмах, духовных учительных письмах, в том числе образцовых письмах в старорусских письмовниках. Соотношение социальных ролей адресанта и адресата – равные отношения или отношения «снизу вверх». Датировка текстов приводится с указанием года, но без упоминания дня и месяца даже при их наличии, так как они незначимы для данного исследования.

В ходе исследования применялись следующие методы: формулярный анализ, контекстуальный анализ, описание явлений на отдельных синхронных срезах, классификация и сопоставление. Использовалась классическая методика анализа структуры и стилистики эпистолярных и актовых памятников, разрабатываемая в трудах белорусских и зарубежных ученых [8–12].

Экспликация «мотива радости»: комментарий по поводу осуществления эпистолярной коммуникации

Наиболее ранние известные нам восточнославянские примеры, в которых эксплицирована радость от получения письма, относятся к 1460–70-м гг.: ст.-белорус. *Што пишеть вайш(а) м(и)л(о)сть к нам о своем | здоровьи, што дал Б(о)гъ оу вайшом мѣсте здорово, и мы тому | ради, вайшмоу здоровью* (ПГ, № 208, с. 334) (1475 г., официальное деловое послание из Полоцка в Ригу); ст.-рус. *Ныне, богопане, пришел до нас лист твоя милости. И видели есм его любовне и ласкове зело. И прочет... И порадовахомся о благороднем и разумнем и о добродетелнем писании честныа и верныа твоя ласки... <...> А мы, пане, по твоему написанию услышав о твоем здоровии честнаго нам приятеля, такоже яко же бы и самого тебе лицем к лицу видели есмя радостнаго и здрава суца, и велми о сем веселимся, о твоем здоровии* (РФА, № 56, с. 203) (1460-е гг., частное межличностное общение, послание зодчего В. Ермолина писарю польского короля Казимира Якубу). Послание В. Ермолина занимает особое место в старорусской эпистографии, поскольку является старейшим примером светского дружеского письма. В нем отражено сильное влияние со стороны письменного языка ВКЛ.

В приведенных выше примерах выражение радости относится к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата» (подтема «Реакция на получение письма и (или) впечатление от него»)². В старорусском тексте данному блоку предшествует смысловой блок «Констатация получения письма»: *Ныне... пришел до нас лист твоя милости*. В старобелорусском письме этот блок выражается косвенно, поскольку прямой констатации нет, но она подразумевается: *Што пишеть вайш(а) м(и)л(о)сть к нам...* (письмо получено, из него воспринята информация об адресате).

Более поздними оказываются примеры, в которых вербализуется радость от перспективы получения письма, т. е. текстовая формула употребляется в составе смыслового блока «Выражение потребности

²Здесь и далее элементы содержательной структуры писем приводятся в соответствии со следующей публикацией: Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. С. 7–8.

в дальнейшем письменном общении» (подтема «Мотивация призыва к адресату писать адресанту»). Данной подтеме всегда предшествует подтема «Призыв к адресату писать адресанту»: ст.-белорус. *Покорне прошу и челомъ бью, абы ваша милость рачиль намъ ся и до жонны моее а сестры вашей милости по старому ласкавымъ добродѣмъ быти и о здоровьи своемъ и панеи и дѣткахъ вашей милости намъ частокротъ давать вѣдать; бо мы, слышачи здоровья вашей милости, естмо тымъ отъ милого Бога велико потѣшены и тому ся сердечно радуемъ* (АрСЗР-1, № 36, с. 132) (1553 г., частное письмо; расположение формулы в конце письма встречается редко); ст.-рус. *Молю ваше Царское Благородие, да повелиши къ намъ возвѣщати о своемъ Царскомъ здравии почасту, чтобъ я, отецъ твой и богомолецъ, слыша ваше Царское пунное шествие здраво и весело, радовался* (ПРГ, № 13, с. 13) (1619 г., официальное фатическое письмо).

«Формула радости» после призыва писать встречается в исследованных старорусских письмах, относящихся к XVII в., хотя она употреблялась в этой позиции и раньше. Косвенным свидетельством данного факта могут быть письма Василия III к жене 1520–30-х гг., отражающие замену формулы: *А ты бѣ ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьѣ отписывала и о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти меня не держала и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобы мнѣ про то было вѣдомо* (ПРГ, № 1, с. 3). Вместо стандартной формулы *чтобы мнѣ радоватися* используется формула *чтобы мнѣ про то было вѣдомо*. Возможно, это связано с тем, что выражение радости в данной тональности эпистолярного диалога, обусловленной социальным статусом адресанта, оказалось неуместным.

В сопоставляемых корпусах текстов есть более ранние, чем приведенные выше, примеры употребления «формулы радости», в которых она следует после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), причем констатация получения письма или призыва писать отсутствует: ст.-белорус. *Бл(а)г(о)с(ло)в(е)ніе Семишна, вл(а)д(ы)кы полоцкаг(о), и С(ва)т(е)мъ Д(у)се возлюбленнымъ | дѣтемъ нашим, ратманомъ ризьскимъ. Ради слышимъ ваше | здоровье. А также просимъ васъ и бл(а)г(о)с(ло)в(е)мъ...³* (ПГ, № 75, с. 181) (около 1440–1446 гг., официальное деловое послание архиепископа полоцкого Симеона II совету Риги); ст.-рус. *Господину благовѣрному князю Георгию Дмитревичю – Кирилице, чернечице грѣшный, со своею братицею. На твоей, господине, на частой еже къ намъ, нищымъ, милостыне много челомъ бием. Радуюся, господине, видя и слыша твое доброе произволение, – что от всея душа уповаеш на Бога и на Пречистую Его Матерь и от нас, воистину недостойных и грѣшных, посланное к тебѣ слово твориши приятно* (НКРЯ (Кирилл Белозерский. Три послания Кирилла Белозерского)) (1418–1422 гг.⁴, частное духовное послание). Такая текстовая позиция анализируемой формулы преобладает в старобелорусских (но не в старорусских) письмах, в связи с чем возникает вопрос: «К какому смысловому блоку следует относить “формулу радости”, если перед ней нет ни констатации получения письма, ни призыва писать?» Вернемся к этому вопросу, имеющему значение для описания индивидуального формуляра посланий, позже.

Типы формул, эксплицирующих «мотив радости», и степень их устойчивости

При сопоставлении старобелорусских и старорусских текстов была выявлена значительная общность способов вербализации «мотива радости», который регулярно объединяется с «мотивом здоровья» в устойчивых высказываниях, сообщающих о причине состояния адресанта (каузативная часть) и заявляющих это состояние (констатирующая часть). «Эталонное» высказывание, вербализующее «мотив радости», включает такие стержневые номинации, как формы глагола *слышати*, формы имени или глагола с корнем *-рад-* и формы слова *здоровье* (*здравие*), однако любая из них может отсутствовать или заменяться другой, причем не обязательно синонимичной лексемой. Мы выделяем три основных типа формул, эксплицирующих «мотив радости» (в обеих традициях они распространены с последней четверти – конца XV в., отдельные примеры употребления формул относятся к первой половине – середине XV в.).

«Формула радости» с формой глагола *слышати*. Приведем примеры высказываний с предикатом – глаголом *слышати* в форме индикатива или оптатива: ст.-белорус. *Ради | слышимъ вашеръ м(и)л(о)сти здоровья...* (ПГ, № 217, с. 346) (около 1477–1480 гг.); *Ради быхмо слышали здоровье твоей милости* (СРИО-35, № 18, с. 79) (1492 г.); *Здоровье твое брата нашего слышимъ ради* (СРИО-71, № 5, с. 79) (1562 г.); ст.-рус. *Ради быхомъ слышали здоровье твоей милости...* (СРИО-35, № 20, с. 86) (1493 г.); *Рада слышу на каждый часъ здоровье государя отца нашего...* (СРИО-35, № 75, с. 374) (1503 г.); *Ра[д] еси вашего здоров(ь)я слышал* (Кром, № 5, с. 129) (1536–1537 гг.). В данных предложениях слова *ради* и *радъ* имеют семантику ‘радостно, охотно, с удовольствием, с готовностью’ (СРЯ XI–XVII, с. 120). Следует отметить, что в ГСБМ такое значение слова *радъ* не приводится (ГСБМ, с. 444), но оно актуально для

³Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – О. З.

⁴Датировка приводится в соответствии со следующей публикацией: Серебрякова М. С. К датировке посланий Кирилла Белозерского // Кириллов : краевед. альм. 2005. № 6. С. 5–11. В НКРЯ датировка более широкая, а именно 1399–1422 гг.

старобелорусского языка. Во фразах с рассматриваемой формулой номинация всегда находится в начале. В старобелорусских и старорусских текстах форма опатива глагола *слышати* преобладает над его формой индикатива, причем в старобелорусских письмах более чем в 2 раза. Слово *здоровье* чаще всего стоит в форме винительного падежа, реже – в формах родительного и местного падежей.

Анализируемая формула является архаичной. Она часто употреблялась в старобелорусских деловых письмах и сохранялась как минимум до последней четверти XVI в. Данная формула может включать устойчивые интенсификаторы *по всякъ часъ, на кождый часъ, каждого часу, всегда* и др. Она встречается в исследованных старорусских текстах только до 1530-х гг. (всего 5 примеров употребления). Предполагаем, что в старорусских посланиях формула возникла под влиянием эпистолярного узуса ВКЛ: все письма, в которых она обнаружена, являются либо дипломатическими, отправленными в ВКЛ, либо частными деловыми или бытовыми, присланными с его территорий от «русского» автора.

Проведенные наблюдения позволили уточнить интерпретацию «темного места» в публикации витебского делового послания 1575 г.: *Вашиим милостям поздровене от насъ з навеженьемъ всего доброго и учтивостяхъ ваших милости ради кожного Есус слышимъ*⁵ (ВРА, № 7, с. 30). В издании слово *Есус* (*есу*^с) комментируется следующим образом: «Магчымая памылка ў прачытанні слова, неразборліва» (ВРА, № 7, с. 30). Лексема *слышимъ* также сопровождается комментарием: «Так у гэксце, трэба “слышитъ”» (ВРА, № 7, с. 30). Предполагаем, что слово, прочитанное как *есу*^с, нужно читать как *чесу* (с отражением еканья; выносную букву, если она была в оригинале, не можем прокомментировать), т. е. имеется в виду словосочетание *кожного чесу* (*часу*) (см. приведенные выше устойчивые интенсификаторы). Форма 1-го лица *слышимъ* не является ошибкой, лексема *ради* примыкает к ней, выполняя функцию обстоятельства. Таким образом, в данном фрагменте представлена обычная «формула радости».

«Формула радости» с формой имени или глагола с корнем -рад-. В исследуемых текстах присутствуют высказывания с предикатом – формой имени с корнем *-рад-*: ст.-белорус. *Ради быхмо всегда слышечи здорovie твоей милости...* (АрСЗР-5, № 4, с. 5) (1530 г.); ст.-рус. *Ради есмя слышевь о здравии вашей милости...* (СРИО-35, № 18, с. 78) (1492 г.). Данный тип формулы возник как трансформация конструкций с формой глагола *слышати*. Предполагаем, что контактное расположение слова *радъ* и связки *быхъ* (*есмя*) стало фактором переосмысления высказываний и замены формы сослагательного наклонения глагола формой действительного причастия.

На базе рассматриваемой формулы развивалась формула с составным глагольным сказуемым, которая встречается в более поздних текстах: ст.-белорус. *Здорovie твоего брата нашего слышати ради* (СРИО-71, № 5, с. 77) (1562 г.); ст.-рус. *...мы твоего многолѣтнаго здорovia і всего твоего блгодатнаго дому всегда слышать ради* (НКРЯ (Брехов Р. Письмо Ф. В. Бородину)) (1660–1670 гг.). В старорусских частных деловых и бытовых письмах она была широко распространена в середине XVII в.

Отметим, что в старорусских текстах анализируемый тип формулы зафиксирован только в высказываниях реальной модальности (предикаты типа *ради есмя, слышати ради*). Опатив (*ради быхомъ*) обнаружен в 2 старобелорусских письмах от одного адресанта.

В изучаемых текстах также встречаются конструкции с предикатом – глаголом с корнем *-рад-*, в том числе в однородном ряду с глаголом с корнем *-весел-*: ст.-белорус. *И мы вашей м(и)л(о)сти здорovie радуюемъса слышачь и | в томъ са въселоуемъ* (ПГ, № 212, с. 339) (1476 г.); *А твое здорovie, брата нашего, слышавшы, вradoвалисе есмо* (ЛМ, № 66.2, р. 118) (1497 г.); ст.-рус. *Слышив твое государское здравие, и яз... премногою радостию радуюся и душею веселюся* (ПН, с. 580) (до 1541 г.). В старорусских частных деловых и бытовых письмах к середине XVII в. получили распространение инфинитивные высказывания: *А мнѣ бы, государь, слыша о твоёмъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, радоватися* (НКРЯ (Отписка новгородского воеводы князя Григория Куракина к архимандриту Иверского монастыря Дионисию)) (1658 г.).

Необходимо указать, что в старобелорусских и старорусских «формулах радости», в состав которых входит форма имени или глагола с корнем *-рад-*, употребляются несклоняемые причастия настоящего (*слышачи* (*слыша*)) или прошедшего (*слышавшы* (*слыша*)) времени.

«Формула радости» с формой глагола слышати и формой глагола с корнем -рад-. При исследовании корпусов текстов были обнаружены сложные предложения с придаточной частью времени или условия, в которых присутствуют оба названных выше предиката: предикат – глагол с корнем *-рад-* (в том числе в однородном ряду с предикатом – глаголом с корнем *-весел-*) в главной части и предикат – глагол *слышати* (*услышати*) в придаточной части: ст.-белорус. *А коли слышѣ м(и)л(о)сти вашоѣ здорovie, с того са радую* (ПГ, № 264, с. 411) (1486–1492 гг.); ст.-рус. *А коли, господине, твое здравие услышу, и яз тогда сердцем радуюся и душею веселюся...* (ПН, с. 582) (до 1541 г.).

В старобелорусских письмах высказывание всегда сопровождает «формулу радости» с формой глагола *слышати*, находится в постпозиции по отношению к ней. В старорусских литературных посланиях учительного содержания она употребляется самостоятельно.

⁵Фрагмент приводится в упрощенной орфографии.

Все перечисленные выше «формулы радости» представляют собой либо клише, либо устойчивые высказывания, компоненты которых могут варьироваться при сохранении единства грамматической структуры фразы. Выявлены следующие трансформации формул: замена упоминания о здоровье адресата указанием на его добродетельные качества, сопровождение номинации *здоровье* обозначениями разных благ (в старобелорусских письмах), расширение семантики формулы за счет объединения ее с формулами, имеющими «мотив присутствия адресата» (ст.-рус. *радуемся, видя и слыша*), употребление конструкций, восходящих к древнерусскому биному *радость и веселие* (ст.-белорус. *велми радуемса и тым веселимса*; ст.-рус. *радостию радуюся и душею веселюся*), замена глагола *радоватися* на глагол *веселитися* (в старорусских текстах), утрата компонента *рад* (ст.-рус. *я бых твое здоровье слышал* (в старорусских частных письмах из литовского плена 1530-х гг., отражающих старобелорусское влияние)), замена выражения радости на молитву за адресата, причем не обязательно в письмах духовных лиц (ст.-белорус. *а коли слышу здоровье твоее милости... милосердного сотворителя Бога прошу*; ст.-рус. *чтобъ намъ, слыша о твоёмъ многолѣтномъ здравіи, Господа Бога молити*). В поздних старорусских частных письмах прилагательное *радъ* уступало место словам *желати, жаден*. Большое лексическое варьирование наблюдается в старорусском корпусе писем, так как в нем представлено больше разновидностей посланий, в том числе книжных, риторически обработанных текстов.

Текстовые позиции «формулы радости» и вопрос об импликатурах в формуляре

В анализируемых корпусах «формулы радости», за редким исключением, располагаются в начальной части письма и занимают различные позиции относительно других формул начального протокола. В табл. 1 и 2 отражены данные о распределении «формулы радости» по занимаемым позициям в старобелорусских и старорусских письмах соответственно. Примеры приведены в хронологическом порядке (от более ранних к более поздним). Интерес представляет то, после каких этикетных смысловых фрагментов употребляются описываемые жанровые формулы.

Таблица 1

Позиции «формулы радости» в старобелорусских письмах

Table 1

Positions of «formula of joy» in Old Belarusian letters

Текстовая позиция формулы	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	38*	С 1440–1446 по 1575 г.
После констатации получения письма	3	С 1475 по 1497 г.
После констатации получения письма и после сообщения о себе	1	1486 г.
После указания адресата перед благодарностью за письмо и призывом писать	1**	1511 г.
После указания адресата перед благодарностью за письмо	1	1535 г.
После сообщения о монархе (трансформация темы «Сообщение о себе»)	1	1535 г.
После призыва писать	1	1553 г.

Примечание. Знаком * отмечены контексты, в число которых входят 11 контекстов из писем 1476–1540 гг. с двумя «формулами радости»; знаком ** показан контекст с двумя «формулами радости».

Таблица 2

Позиции «формулы радости» в старорусских письмах

Table 2

Positions of «formula of joy» in Middle Russian letters

Текстовая позиция формулы	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После указания коммуникантов и благодарности адресату	2	С 1418 по 1422 г.
После указания коммуникантов и благодарности адресату перед констатацией получения письма	1	1418 г.
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	13*	С 1460 по 1541 г.
После констатации получения письма	11	С 1460 по 1680-е г.

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Текстовая позиция формулы	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После комментария по поводу своего письма	1	С 1470 по 1530-е г.
После благодарности за письмо (упрека в отсутствии письма)	4	С 1534–1536 по 1675–1680 гг.
После формулы, имеющей «мотив присутствия адресата»	1	До 1541 г.
После призыва писать	18	С 1619 по 1675–1680 г.

Примечание. Знаком * отмечены контексты, в число которых входят 4 примера из писем 1535–1536 гг. с двумя «формулами радости».

В старобелорусских письмах значительно чаще встречается позиция «формулы радости» сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов). Позиция формулы после призыва писать отмечена 1 раз в письме середины XVI в. Обнаружен 1 пример употребления формулы в препозиции относительно благодарности за письмо. Примеров нахождения формулы после нее нет, что может быть обусловлено ограниченностью источников: в старобелорусском корпусе (имеются в виду не выбранные 46 текстов, в которых вербализуется «мотив радости», а исследуемые старобелорусские эпистолярные тексты в целом) представлены в основном официальные деловые и частные деловые и бытовые письма; меньшее количество писем иных видов предопределило меньшую вероятность встретить в них тот или иной элемент содержательной структуры.

В старорусских текстах наблюдается примерно одинаковое соотношение «формулы радости» в позициях после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), после констатации получения письма и после благодарности за письмо (в данном случае объединены две подтемы, так как они логически связаны: благодарность в условном формуляре писем следует за сообщением о получении письма), а также после призыва писать. Примеры употребления формул после призыва писать являются значительно более поздними. Единичные случаи иных текстовых позиций отмечены лишь в духовных посланиях.

Исследуя формуляр посланий ВКЛ XVI в., А. Рычков причисляет анализируемые нами «формулы радости» к приветствию (лит. *saliutacijos klauzule*) [11, р. 40]. Мы не относим формулы к приветствию, считая, что они сопровождают указание адресата (обоих коммуникантов) как элементы отдельного смыслового блока, в том числе в тех случаях, когда перед формулами отсутствуют этикетные высказывания – констатация получения письма или призыв писать (если они есть, то формулы очевидно относятся или к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата», или к смысловому блоку «Выражение потребности в дальнейшем письменном общении»). Во-первых, анализируемый эпистолярный мотив генетически связан именно с комментированием переписки; эта связь обнаруживается и в употреблении соответствующих формул в дипломатических посланиях европейских монархов к русскому царю (ДПИГ, № 47, с. 621; № 139, с. 425). Во-вторых, одни и те же формулы употребляются не только после указания коммуникантов, но и после эксплицитованного приветствия (поклона, благопожелания и т. д.); во втором случае они не являются приветствием, и, на наш взгляд, нет оснований считать их приветствием в первом случае. В-третьих, во всех контекстах, в которых нет высказывания – прямого сообщения о получении письма или призыва писать, присутствует имплицитное сообщение об этом, подразумевающееся в глаголе *слышати* (зачитывание письма перед его получателем – обычная часть эпистолярных коммуникаций Средневековья и раннего Нового времени). Формулы с предикатом-индикативом типа *Здоровье твое брата нашего слышимъ ради* (СРИО-71, № 5, с. 79) (1562 г.) уже содержат в себе имплицитную констатацию получения письма. Сообщение о получении письма может быть лишним, так как его получение очевидно: адресант слышит об адресате. Выражение реакции на получение письма не является лишним: оно имеет этикетный контактоустанавливающий и маркирующий тональность общения характер⁶.

Как было отмечено выше, описываемые этикетные высказывания из обоих корпусов имеют разную модальность (*Ради слышимъ здоровье; Радъ быхъ слышалъ здоровье*). Высказывания реальной модальности, употребленные сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), мы относим к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата», считая сообщение о получении

⁶«Мотив здоровья», связанный с «мотивом радости», реализуется в разных смысловых блоках и этикетных формулах. А. Рычков отмечает: «Отправитель письма спрашивал о состоянии здоровья адресата или членов его семьи или упоминал о своем собственном только при общении с лицами, равными ему по статусу» [12, с. 19]. С. В. Полехов указывает, что «мотив здоровья адресата и адресанта» получил распространение в полоцких грамотах в 1470–80-х гг. [13, с. 718]. Также он сделал следующие замечания о функции «мотива здоровья»: «В XVI в. этот мотив стал “общим местом” западнорусской эпистографии: упоминая о здоровье в протоколе письма, его автор стремился подчеркнуть доверительные отношения к адресату...» [13, с. 718]. Данные замечания актуальны и для старорусского эпистолярия. Кроме того, для формирования тональности общения служил и «мотив радости» (см. его устранение в процитированном выше письме Василия III).

письма имплицатурой, к которой отсылает глагол *слышати*. С опорой на предположение о том, что временные формы предикатов могут отличаться при разных текстовых позициях формул и, соответственно, быть основанием для неодинаковой квалификации их этикетной семантики, были проанализированы временные формы предикатов в таких высказываниях. В старобелорусских письмах предикаты имеют форму настоящего времени при любой позиции формул (исключением являются 3 примера с предикатом-перфектом в формулах, размещенных после указания коммуникантов и после констатации получения письма). В старорусских текстах преобладают предикаты в форме настоящего времени, которые также употребляются в формулах, занимающих любую из указанных в табл. 2 позиций (после призыва писать используются предикаты только в форме настоящего времени). Формулы с предикатами, имеющими форму прошедшего времени, чаще встречаются после констатации получения письма и после благодарности за письмо, однако они были отмечены и после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов). В 1 письме после приветствия адресата употреблена формула с предикатом в форме будущего времени, причем в придаточной части предикат стоит в форме настоящего времени: ст.-рус. *Коли твое здоров[ье] слышу, своего государя, того дня гор(ь)кая моя серц[е] радостию обвеселится* (Кром, № 6, с. 130) (1536 г.). Таким образом, распределение форм времени оказалось нерелевантно при выборе оснований для отнесения формулы к тому или иному смысловому блоку.

Как интерпретировать высказывания ирреальной модальности типа *Ради быхмо (быхомь) слышали здоровье твоей милости*, стоящие после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)? Мы сопоставили количественные данные по употреблению высказываний разной модальности в этой позиции, а также в позициях после констатации получения письма и после призыва писать (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Модальность устойчивых, вербализующих «мотив радости» высказываний, которые занимают различные позиции в старобелорусских письмах

Table 3

Modality of set, verbalising the «motive of joy» expressions, which occupy various positions in Old Belarusian letters

Текстовая позиция формулы	Реальная модальность		Ирреальная модальность	
	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	21	С 1440–1446 по 1575 г.	28	С 1470–1476 гг. по конец XVI в.
После констатации получения письма	3	С 1475 по 1497 г.	–	–
После призыва писать	1	1553 г.	–	–
<i>Всего</i>	25	–	28	–

Примечание. В письме может содержаться более 1 контекста с «формулой радости».

Таблица 4

Модальность устойчивых, вербализующих «мотив радости» высказываний, которые занимают различные позиции в старорусских письмах

Table 4

Modality of set, verbalising the «motive of joy» expressions, which occupy various positions in Middle Russian letters

Текстовая позиция формулы	Реальная модальность		Ирреальная модальность	
	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем	Количество контекстов с формулой	Хронологическая отнесенность писем
После приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов)	8	С 1503 по 1541 г.	9	С 1503 по 1536 г.
После констатации получения письма и после благодарности за письмо	15*	С 1460 по 1675–1680-е гг.	–	–
После призыва писать	3	1660-е гг.	15	С 1619 по 1675–1680 г.
<i>Всего</i>	26	–	24	–

Примечания: 1. Знаком * отмечены контексты, в число которых входят 11 контекстов с «формулой радости» после констатации получения письма и 4 контекста с «формулой радости» после благодарности за письмо. 2. В письме может содержаться более 1 контекста с «формулой радости».

Высказывания реальной и ирреальной модальности, занимающие позицию после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), количественно соотносимы между собой. После констатации получения письма стандартно употребляется высказывание реальной модальности. В старорусских текстах после призыва писать значительно чаще присутствуют высказывания ирреальной модальности, но это характерно только для писем поздней старорусской эпохи, а для писем XV–XVI вв. данные отсутствуют. Соответствующий старобелорусский пример XVI в. содержит предикат-индикатив.

Так как употребление «формулы радости» после призыва писать – позднее явление в письмах, то, даже несмотря на выявленную тенденцию относительно модальности высказываний, занимающих позиции после эксплицированной констатации получения письма и после эксплицированного призыва писать, предлагаем относить «формулы радости» ирреальной модальности, находящиеся после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), к тому же смысловому блоку, что и «формулы радости» реальной модальности, а именно к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата». Семантика блока уточняется с учетом разной модальности этикетных высказываний следующим образом: подразумевается или уже состоявшееся, или возможное получение письма. Импликатурой является констатация получения письма адресата – фактическая или прогнозируемая.

Заключение

1. Наличие в тексте высказываний, реализующих «мотив радости», – один из этикетных маркеров эпистолярного общения. Мотив, связанный с получением информации об адресате, вербализуется в начальной части старобелорусских и старорусских писем. Он сохраняется в восточнославянской эпистографии с XV по начало XVIII в., т. е. и после описываемого периода, и встречается во всех разновидностях писем. Его функциями являются установление контакта и маркирование тональности общения.

2. Способы вербализации «мотива радости» в старобелорусских и старорусских письмах обнаруживают значительную общность, в чем отражается большая близость сопоставляемых традиций на выбранных хронологических отрезках. Различия обусловлены грамматическими особенностями языков и заключаются не в инвентаре, а в частотности формул. Синтагматически «мотив радости» связан с «мотивом здоровья» и «мотивом присутствия адресата». Этикетные высказывания представлены такими типами, как «формула радости» с формой глагола *слышати*, «формула радости» с формой имени или глагола с корнем *-рад-* и «формула радости» с обоими указанными глаголами в сложном предложении с придаточной частью времени или условия. Конструкции в рамках первых двух типов в разной степени варьируются по модальности. Устойчивые высказывания характеризуются высокой степенью постоянства лексико-грамматического состава, при этом в старорусских литературных посланиях обнаруживается «затемнение» мотива в диахронии за счет множественных лексических замен в исходной формуле. В старобелорусских текстах самая частая модель типа *радъ быхъ (есмь) слышалъ* стабильно сохранялась до 1570-х гг. Предполагаем, что появление аналогичной модели в старорусских письмах обусловлено влиянием эпистолярия ВКЛ на московский эпистолярный этикет. В старорусских посланиях вплоть до XVII в. наиболее частое употребление имеют формулы с глагольным стержневым компонентом с корнем *-рад-*. В письмах XVII в. они широко представлены инфинитивными предложениями с предикатом *радоватися* в составе подчинительной целевой конструкции.

3. Реализация «мотива радости» сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), т. е. без сопутствующего упоминания о получении письма адресата или без призыва писать, присутствует и в старобелорусских, и в старорусских письмах с первой половины XV в. Данная конструкция особенно характерна для старобелорусских официальных деловых посланий. В старорусских письмах, написанных после 1610-х гг., «мотив радости» уже практически не встречается вне констатации получения письма или призыва писать, при этом в старорусских частных письмах середины XVII в. этот мотив вербализуется чаще после призыва писать, чем после констатации получения письма.

4. «Формулы радости», употребленные сразу после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов), мы относим к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата» (подтема «Реакция на получение письма и (или) впечатление от него»). В таких контекстах импликатурой является информация о состоявшемся или желаемом получении письма. На ее наличие указывает глагол *слышати* 'получать информацию об адресате через его письмо'.

По нашему мнению, «формулы радости» не следует причислять к приветствию ввиду того, что описываемая разновидность эпистолярного «мотива радости» является генетически связанной с комментированием переписки и что «мотив радости» встречается после эксплицированного приветствия (поклона, выражения приязни, благословения) уже в примерах ранних старобелорусских и старорусских текстов (оснований характеризовать его вербализацию после указания коммуникантов как «превращение» в приветствие нет).

Отнесение «формулы радости» в указанной выше текстовой позиции к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата», а не к смысловому блоку «Выражение потребности в дальнейшем письменном общении» (подтема «Мотивация призыва к адресату писать адресанту») обусловлено несколькими причинами. Во-первых, высказывания реальной и ирреальной модальности в позиции после приветствия и (или) указания адресата (обоих коммуникантов) имеют примерно одинаковое количественное соотношение. Во-вторых, высказывания реальной модальности стандартно вербализуют реакцию на получение письма (см. употребление их после констатации получения письма и после благодарности за письмо). В-третьих, если высказывания реальной модальности имеют названную семантику, то высказывания ирреальной модальности в той же текстовой позиции, в тех же разновидностях писем и даже в письмах от одного лица также могут рассматриваться как вербализующие реакцию на получение письма, но с уточнением: в этих конструкциях выражается реакция не на состоявшееся, а на потенциально возможное, прогнозируемое получение письма. В-четвертых, употребление формулы после призыва писать представляется более поздним явлением, а выражение радости как мотивация призыва писать вообще нехарактерно для восточнославянского эпистолярного этикета до середины XVI в.

Подход, основанный на учете происхождения жанровой формулы и анализе ее употребления в разных текстовых позициях, целесообразно применять при описании индивидуального формуляра писем. Он показывает, что позиция, занимаемая устойчивым высказыванием в конкретном источнике, не всегда отражает его стандартную этикетную семантику.

Сокращения

АрСЗР-1 – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси : в 14 т. Т. 1. Вильна : Печатня губерн. правления, 1867. X, 398, 410 с. ; **АрСЗР-5** – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси : в 14 т. Т. 5. Вильна : Печатня Л. Г. Сыркина, 1871. XVI, 256, 136 с. ; **ВРА** – Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплекса Ruthenica Дзяржаўнага гістарычнага архіва Латвіі). Вып. 1. Дак. гасп.-гандл., XV–XVI ст. / А. Дзярновіч ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Atheneum, 2005. 88 с. ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. Вып. 29. Пристрастный – раць / склад.: І. У. Будзько [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булькі. Мінск : Беларус. навука, 2009. 484 с. ; **ДПИГ** – Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584) : в 3 т. Т. 1, кн. 1 : Свящ. Рим. империя и страны Европы / отв. ред.: С. В. Полехов [и др.]. СПб. : Наука, 2023. 647 с. ; **Кром** – Кром М. М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М. : Рубежи XXI, 2008. 140 с. ; **ЛМ** – Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Кн. 5. 1427–1506. V. : Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 1993. 402 p. ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2025) ; **ПГ** – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. 864, XVI с. ; **ПН** – «Посланием начало» // О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / А. С. Демин ; отв. ред. В. П. Гребенюк. М. : Яз. славян. культуры, 2003. С. 580–587 ; **ПРГ** – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 1. 1526–1653. М. : Унив. тип., 1848. VIII, 326, 24 с. ; **РФА** – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М. : Яз. славян. культур, 2008. 552 с. ; **СРНО-35** – Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. Т. 35. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб. ; **СРНО-71** – Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. Т. 71. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1892. V, 807 с., 234 стб. ; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 32 вып. Вып. 21. Прочный – раскидати / ред. Г. А. Богатова. М. : Наука, 1995. 280 с.

Библиографические ссылки

1. Броджи-Беркофф Дж. Древнерусская и византийская эпистография: сравнительный анализ. В: Янин ВЛ, Ястребицкая АЛ, редакторы. *Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.): зарубежная историография. Реферативный сборник. Часть 2*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 1988. с. 268–275.
2. Буланин ДМ. *Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв.* Мюнхен: Verlag Otto Sagner; 1991. 473 с.
3. Крычко ВП. Літаратурная эпісталаграфія Беларусі: зараджэнне традыцыі. У: Хаўстовіч М, рэдактар. *Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Навуковы зборнік. Выпуск 10*. Мінск: Права і эканоміка; 2009. с. 81–90.
4. Севастьянова СК. Письма патриарха Никона к грекам и традиции поздневизантийской эпистографии. *Сибирский филологический журнал*. 2008;2:5–15. EDN: JVHVDD.
5. Сметанин ВА. Эпистоология поздней Византии. Прозлевсис (конкретно-историческая часть). В: Сюзюмов МЯ, редактор. *Античная древность и средние века. Сборник статей. Выпуск 15*. Свердловск: Издательство Уральского университета; 1978. с. 60–82.
6. Черноглазов ДА. Как написать прошение к вельможе? Византийский учебник по *ars epistolandi* и его практическая значимость. В: Казанский НН, редактор. *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы Международной конференции, посвященной памяти И. М. Тронского; 18–20 июня 2018 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 2*. Санкт-Петербург: Наука; 2018. с. 1329–1342. DOI: 10.30842/ielcp2306901522100.
7. Матвеева АС. Радость и печаль в письмах византийских интеллектуалов. В: Карпов СП, Грацианский МВ, Майко ВВ, редакторы. *Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus. Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византинистов Российской Федерации; 24–30 октября 2022 г.; Судак, Россия*. Симферополь: Ариал; 2022. с. 117–119. EDN: BVHVHQ.

8. Зуева ОВ. Содержательная структура памятников русского эпистолярного жанра (на материале частного и официального типов письма XV–XVI вв.). *Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2008;3:58–62.
9. Климович ОА. *Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2015. 163 с.
10. Бачинский АА, Ерусалимский КЮ, Кочковская НА, Моисеев МВ. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования. *Российская история*. 2018;2:111–129. EDN: YTOTND.
11. Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliarias Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. *Lietuvos istorijos studijos*. 2019;44:31–46. DOI: 10.15388/LIS.2019.44.2.
12. Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020;2:14–32. DOI: 10.25986/IRI.2020.80.2.002.
13. Полехов СВ. Смоленские послания середины XV – начала XVI века. В: Ладыженский ИМ, Пузина МА, редакторы. *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*. Москва: Азбуковник; 2021. с. 715–730.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2025.
Received by editorial board 02.10.2025.